В качестве заключения к материалу рубрики предлагаем вниманию читателя письмо Гриса Дзамболатовича Плиева (1913–1999), выдающегося осетинского писателя, к автору романа, его близкому другу, в котором говорится о вызванной романом полемике. Возможно, Г.Д. Плиев, оспаривая мнение ряда критиков Нафи, сам несколько перегибает палку, но, как говорится, «не перегнешь – не выпрямишь». Для нас это письмо ценно не только тем, что оно вполне отражает суть дискуссии вокруг романа и выражает дух времени, но и тем, что дает представление о дружеских и творческих узах Нафи Джусойты и Гриса Плиева.

На фото Нафи Джусойты и Грис Плиев.

Грис ПЛИЕВ
ПИСЬМО К НАФИ ДЖУСОЙТЫ[5]
от 18 января 1983 г.
(С сокращениями)

Всевышний да помогает тебе, Нафи!

Отправляю тебе номер альманаха «Литературная Осетия». Я его давно прочитал, но нарочно не посылал тебе – не хотелось мне, чтобы ты его видел. В статье Хадарцевой[6], так же, как и в других, ты не найдешь ровно ничего, что заслуживало бы серьезного внимания, там та же мысль: почему образы романа не похожи на образы народного эпоса, почему автор принизил их, почему смеется над ними, – ведь они – идеал Осетии, ведь нартское общество – «энциклопедия осетинского народа»?

Одним словом, каждый из твоих критиков приходит к вопросу о том, ради какой идеи написан твой роман; но, прочитав его, оторопело замирает и глядит, «как в афишу коза»[7]: что это такое?

Каждый задается этим вопросом, но не дает себе труда понять и разобраться, из-за того, что у нас десятилетиями господствует ленивая, ползучая критика, и не только господствует по инерции – она поддерживается некоторыми кругами влиятельных чинуш! А твои критики, ленивые и ползучие, прочитав в твоем предисловии к роману мысль о том, что кое-кто из читателей могут не понять идею романа! – приняли ее как оскорбление для себя, именно для себя – ты прямо в цель попал! – и озлобились на тебя. И перестали думать, искать ответ на свой же вопрос: для чего произведено автором снижение образов эпоса? Они не только перестали искать такой ответ, они не могли найти такой ответ, так как не подготовлены, художественно не образованы и эстетически не развиты, нет у них элементарных знаний в области литературы. Если бы это было не так, то они должны были знать то, что проделал бессмертный Лукиан[8] с греческой мифологией, с ее героями и богами, которых низвел до презренных ничтожеств, занимавшихся обжорством, прелюбодеянием, а в бою являющихся трусливыми хорьками. Для чего делал это Лукиан? Для того, чтобы люди его времени – римляне – перестали смотреть назад, перестали молиться героям и богам мифологии, времена которых миновали тысячелетия назад, и, наконец, это делается для того, чтобы люди начали мыслить реалистически, начали жить сегодняшним днем, освободились из-под гнета того, что давно уже умерло.

Можно ли извлечь из характеров героев сказаний о нартах что-нибудь такое, чему можно «молиться», что надо заимствовать, чему можно было бы подражать? Да, можно и должно. И эти качества героев эпоса известны даже детям. Но, к сожалению, у этих героев есть недостаток, который равен их положительным качествам: это то, что они – продукт военно-демократического быта, в условиях которого люди воюют друг против друга, постоянно находятся в состоянии войны, грабят друг друга, убивают и истребляют друг друга безотносительно

[5] *Письмо представляет собой билингвальный текст; перевод осетинских фрагментов на русский язык осуществлен нами. – **И.Х.***

[6] *Хадарцева Аза Асламурзаевна (1919–1999) – известный литературовед. (Здесь и далее прим. наши. – **И.Х.**)*

[7] *Из «Стихов о советском паспорте» В.В. Маяковского.*

[8] *Лукиан Самосатский (ок. 120 – после 180 гг. н. э.) – писатель, живший в Римской империи и писавший на древнегреческом языке. В сатирических сочинениях Лукиан высмеивал общественные, религиозные и философские предрассудки, а также другие пороки современного ему общества.*

родственных отношений. Кстати, Нартские сказания потому и являются великим творением народа, что несут в себе именно эти качества, характерные и присущие народу военно-демократического быта. Ведь твоим критикам не нравится именно то, что герои твоего романа занимаются грабежом, убийством друг друга, что между ними нет никакой дружбы (особенно в нашем понимании этого слова!). Они по-прежнему считают героев нартских сказаний идеалом современного осетинского народа, думают, что эти герои – вечные идеалы для осетин, что нартское общество – золотой век в истории осетинского народа! Как же, думают критики, осмеливается Нафи поднять руку на святая святых осетинского народа! И почему он низвел наших любимых героев до обыкновенных обывателей, как он осмелился глумиться над ними?..

<…> У осетин[9], как пишет В.И. Абаев, этот период (эпоха создания Нартиады. – ***И.Х.***) длился приблизительно с VII в. до н. э. до XIII в. н. э. <…> Труд в этот период считался позором, а грабежи и убийства – славой. Этим делом и занимаются герои твоего романа, а на их действиях отражается твое авторское отношение к такому позорному занятию. Если бы ты изобразил в своем романе нартовских героев (кроме Сырдона и членов его семьи) в условиях труда, это было бы нарушением исторической правды, так как герои нартов не занимались трудом, они считали труд позором для себя. В нартских сказаниях, кстати, нет и намека на то, чтобы нарты трудились. Никто из исследователей на это не обратил внимания. И если кто-нибудь трудится, то это Сырдон.

Когда в походе нарты ограбят кого-нибудь, то погонщиком скота и табунов лошадей, захваченных в чужих землях, бывает Сырдон. И не просто погонщиком – пешим погонщиком! А сами едут верхом и смеются над ним, и глумятся над ним, – именно потому что он занимается унизительным для героев нартских сказаний делом – позорным делом! И твои критики хотят, чтобы ты рисовал этих «героев» идеалами для современных осетин! (...) Время идет, люди и идеалы меняются, и только у нас идеалы все те же!

<…> Известный персонаж, против которого мы вели последнюю большую войну, писал в своей книге «Моя борьба», что они – то есть, северная германская нация, нордическая раса, чистая арийская порода – всегда были единственной исключительной нацией, рядом с которой нельзя поставить никакую другую, которая от начала была и будет вечно героической нацией и которая должна господствовать над всеми другими.

Когда я читал статьи твоих критиков, мне казалось, что некоторые мысли, в части, относящейся к «национальной исключительности», они списали из книги сумасшедшего фюрера. Интересно, как бы они повели себя, скажи я им об этом прямо?

Кое-кто из них ходит с гордо поднятой головой: мы, дескать, осмелились Нафи покритиковать! «Над нартами смеяться нельзя, осуждать нартов – значит поносить осетинский народ! – так кричал на улице Кайтуков[10]. – Нартовский эпос – это творчество народное, а то, что создано народом, то прогрессивно, и тот, кто смеется над народным творением, тот оскорбляет народ! Нафи – большой писатель, но он допустил ошибку, и ты не защищай его!» <…> Вот и спорь с такими философами.

Где-то у меня есть выписки из Лукиана о работе с образами греческой мифологии... <…> Покачал бы я своей старой головой и выдал бы на гора что-нибудь вроде статьи – показал бы, какую большую опасность несет в себе главная мысль твоих критиков, – да лень одолевает меня: за последний год ни одной строчки не написал, мысль моя умерла, двинуться не могу. Но – странное дело – и умереть не могу. А убивать себя как-то не охота. Какую-то путевку мне организовали в санаторий, мои головные боли лечить. Собираюсь поехать в середине февраля – попробую еще и это; если не поможет – на что мне такая жизнь!

В театре брат твоей матери, Доментия сын[11], обязал меня «Доверие»[12] поправить, немного обновить; принялся было – и не смог работать, не хочет драма обновляться.

Если до весны доживу, то направлюсь через Рук в вашу сторону, – или же сам найди время и приезжай. Прошлой осенью мы с Тотырбеком[13] были на той стороне; над селом Сурхаевых[14] опустились на колени, помолились, выпили по стакану привезенного с собой вина, а потом, никому не показавшись, отправились назад: ни одна живая душа нас не видела.

(...) Стой твердо! Приветы друзьям – Тедо, Хаджи, ДзуГеору, ХадзАлбору, КосМаргию[15] – всем!

(...) Желающий вам добра – Грис Рукский[16].

Публикацию подготовил
д. ф. н. ***И.С. Хугаев***

---

[9] *Имеются в виду, конечно, предки осетин.*
[10] *Кайтуков Георгий Харитонович (1911–2002) – осетинский поэт и переводчик. Народный поэт Осетии.*
[11] *Хугаев Георгий Доментьевич (1922–2005) – советский и российский театральный режиссер и драматург. Мать Н.Г. Джусойты была из фамилии Хугаевых.*
[12] *«Доверие» («Æууæнк») – драма Г.Д. Плиева, поставленная Северо-Осетинским музыкально-драматическим театром в 1960 г.*
[13] *Джатиев Тотырбек Исмаилович (1910–1984) – писатель и журналист.*
[14] *Грис принадлежал к ветви Плиевых, происходящей от фамилии Сурхаевых. Вероятно, речь идет о местном святилище Сурхаевых и Плиевых.*
[15] *Югоосетинские писатели Федор Гаглоев (1913–1983), Хаджи-Мурат Дзуццати (1935–2000), Георгий Дзугаев (1911–1985), Хаджи-Умар Алборов (1939–2011), Коста Маргиев (1922–2018).*
[16] *Г.Д. Плиев родился в селении Рук Республики Южная Осетия.*